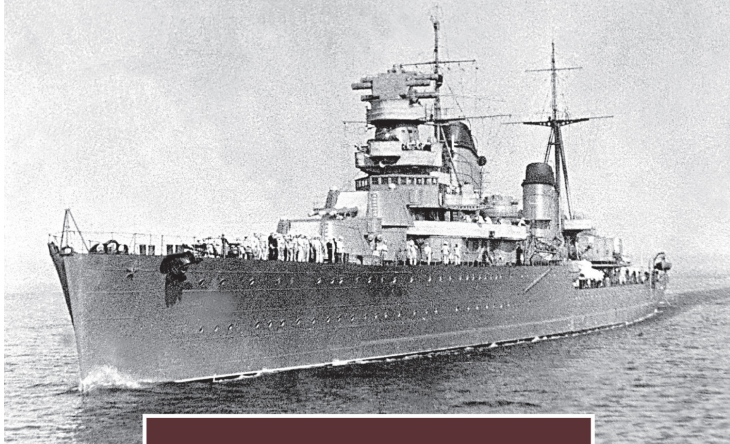

помним войну

И. Г. Святлов

Корабли и люди

Иван Георгиевич Святлов

Корабли и люди

Серия «Помни войну»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35010712

Корабли и люди: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут»;

СПб.; 2016

ISBN 978-5-85875-509-8

Аннотация

Вниманию читателей впервые полностью предлагаются воспоминания контр-адмирала Ивана Георгиевича Святлова (1903–1983), в которых он рассказывает о своем детстве, юности, годах учебы в Военно-морском училище им. М. В. Фрунзе, службе на флотах в 1920–1930-е годы. Особое место в воспоминаниях занимает Великая Отечественная войны, участником которой с первых дней являлся И. Г. Святлов. Боевые действия летом 1941 года на Балтике, трагедия Таллинского перехода, оборона Ленинграда и освобождение Прибалтики показаны глазами очевидца. Книга предназначена для всех интересующихся историей отечественного флота и его участия в боевых действиях на Балтийском море в 1941–1945 годах. Воспоминания к изданию подготовлены дочерью автора Верой Ивановной Трэмон.

Содержание

Предисловие	5
Бессоновка	9
Уходили комсомолыцы на Гражданскую войну	23
Едем восстанавливать флот	30
Военно-морское подготовительное училище	37
Военно-морское училище	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Иван Георгиевич Святлов

Корабли и люди

© И. Г. Святлов, 2016

© ООО «Гангут», оформление, 2016

Предисловие

Контр-адмирал Иван Георгиевич Святлов (1903–1983) не достиг высших постов в руководстве Советского ВМФ, также как и высших адмиральских званий. Нет упоминаний о нем и в энциклопедических изданиях, посвящённых Великой Отечественной войне и биографиям выдающихся моряков.

Между тем, И. Г. Святлов, несомненно, является одним из самых выдающихся командиров и флагманов времён войны, руководителем и участником многих крупных операций на Балтике, в конце карьеры он командовал крупными соединениями флота.

Подобно многим российским морякам, в детстве Иван Святлов не видел моря. Он сделал свой выбор благодаря комсомольскому набору в РККФ и собственному упорству и настойчивости.

Военно-морское образование и воспитание И. Г. Святлов получил в Военно-морском училище (с 1926 г. – им. М. В. Фрунзе). Поскольку юноши рабоче-крестьянского происхождения в 1920-х годах ещё не имели необходимого уровня образования для изучения военно-морских наук, то их к поступлению в ВМУ готовило Военно-морское подготовительное училище.

И. Г. Святлов прошёл все ступени обучения и в 1927 году

окончил ВМУ им. М. В. Фрунзе, добившись назначения на Амур. Надо отметить, что уровень подготовки командиров в ВМУ был достаточно высоким, что обеспечивалось преимущественностью подготовки с привлечением для преподавания офицеров прежнего Морского корпуса. Этим, во многом, объяснялось быстрое продвижение по службе выпускников 1920-х годов, многие из которых в Великую Отечественную войну занимали высокие командные должности.

Начало войны застало капитана 2 ранга И. Г. Святова в должности начальника штаба Отряда лёгких сил (ОЛС) КБФ. До этого он успел послужить на амурских канлодках, пограничных сторожевиках на Севере, командовал дивизионом эсминцев в Советско-финляндской войне 1939–1940 годов. Тогда же он получил свой первый орден Красного Знамени.

ОЛС в июне 1941 года представлял собой крупное соединение надводных кораблей новейшей постройки: 2 лёгких крейсера и 9 эсминцев. С самого начала войны капитану 2 ранга И. Г. Святову пришлось командовать отрядами в важных операциях по обороне устья Финского залива, Ирбенского пролива и Рижского залива.

Не обошлось и без потерь. Уже 23 июня на минах погиб эсминец «Гневный», а крейсер «Максим Горький» под брейд-вымпелом И. Г. Святова получил тяжёлые повреждения.

В своих воспоминаниях адмирал подробно описывает эти

события, не избегая критической оценки. Первые потери отчасти объяснялись тем, что штаб КБФ своевременно не оповестил командование ОЛС о минной обстановке в устье Финского залива, хотя располагал сведениями о появлении там неизвестных кораблей ещё до 22 июня 1941 года. Об этом свидетельствуют донесения кораблей дозора и самолётов-разведчиков.

Благодаря правильным решениям И. Г. Святова удалось обеспечить спасение повреждённого крейсера, который он затем довёл до Кронштадта.

В дальнейшем И. Г. Святов командовал Охраной водного района (ОВР) в Кронштадте. Особые заслуги принадлежат ему в спасении людей с кораблей и судов, потопленных во время Таллинского прорыва в августе 1941 года, в организации сопровождения отрядов, эвакуировавших ВМБ Ханко. Во время Таллинского прорыва отрядом И. Г. Святова, в частности, было спасено более 12 тыс. человек.

Судя по воспоминаниям и свидетельствам сослуживцев, И. Г. Святов отличался прямолинейным характером, не стеснялся высказывать и отстаивать своё мнение. Из-за этого, естественно, он имел неприятности по службе. В то же время его назначали в самые ответственные места, иногда помимо исполнения штатных должностей. В частности, И. Г. Святов сыграл большую роль в организации взаимодействия армии и флота при форсировании Невы в кампании 1942 года, в Выборгской наступательной операции 1944 года и в Моон-

зундской десантной операции осенью 1944 года.

В дальнейшем Иван Георгиевич командовал крейсером «Максим Горький», был начальником штаба эскадры КБФ, а потом командиром ОЛСа в составе Тихоокеанского флота.

Его воспоминания написаны хорошим русским языком, не без доброго юмора. Они содержат интересные подробности о сослуживцах и одноклассниках автора, оценки отдельных офицеров и командования.

После войны контр-адмирал И. Г. Святлов командовал эскадрой КБФ и был на преподавательской работе, где его богатый опыт нашёл достойное применение.

Публикация воспоминаний И. Г. Святлова, несомненно, послужит благородной цели расширения наших знаний о боевых действиях ВМФ в 1941–1945 годах.

*Старший научный сотрудник НИО (военной истории по Северо-Западу) НИИ (военная история) ВА ГШ ВС РФ
кандидат исторических наук, профессор, капитан 1 ранга в отставке В. Ю. Грибовский
17 июля 2016 г.*

Моим боевым друзьям – матросам, старшинам, офицерам и адмиралам – активным участникам боевых действий на Балтике в 1941–1944 годах с глубоким почтением посвящаю свою хронику военных лет.

Бессоновка

На левом крутом берегу Суры когда-то в двенадцати километрах к северу от Пензы, а теперь в шести раскинулось очень большое русское село Бессоновка. Протяжённость его с юга на север – более семи километров, а с запада на юг – около пяти. Народу там жило более двенадцати тысяч человек. Возникло оно давно, ещё в семнадцатом веке, как казачья Пензяцкая слобода на землях служилого мордовского мурзы.

В центре села стояла большая церковь Успенья Пресвятой Богородицы с двумя приделами: во имя Архистратига Михаила и Святого чудотворца Николая, построенная ещё в 1858 году тщанием владельца Бессоновки помещика генерала Арапова, предводителя пензенского дворянства, и прихожан. Напротив неё, на берегу мелководной речушки с мордовским названием Шелдаис, располагался импозантный барский особняк Арапова с фруктовым садом и когда-то ухоженным парком. Речка Шелдаис, пересекая Бессоновку с запада на восток, впадала в Суру – большую реку, правый приток Волги.

Арапову Александру Николаевичу когда-то, до отмены крепостного права, принадлежало 1650 ревизских душ и 6611 десятин удобной земли, леса и кустарника.

Имелась в Бессоновке и школа – двухклассное министер-

ское училище с пятилетним обучением, образованная в 1903 году из земского одноклассного училища, были и одноклассные земские училища, женское и смешанное.

Заведовал училищем почтенный и уважаемый бессоновцами человек Алексей Игнатьевич Матвеев. Он же был и учителем. Квартира его находилась тут же, в здании школы. Были и другие учителя: Владимир Яковлевич Прокофьев, Алексей Селивестрович Артамонов, его супруга Нина Александровна и ещё одна учительница, имени которой не помню.

В Бессоновке на главной улице стояло несколько каменных домов, принадлежащих трём братьям Усовым, Малькову и Михатину, по прозвищу Дондор-шиш. Что это означало, не могу сказать: никто не знал.

Была и сельская больница во главе с фельдшером Григорием Ильичом Сазоновым и акушеркой Таисией Фёдоровной. Григорий Ильич был и терапевтом, и хирургом, и лечил от всего: сыпного и брюшного тифа, испанки, воспаления лёгких и прочих заболеваний. Пользовался он у жителей Бессоновки бесспорным авторитетом.

В селе также находились крахмально-паточные заводы Марина, Чинаева, Ковалёва и имелся свой капиталист – купец первой гильдии Иван Матвеевич Петрушков, владелец двух крахмально-паточных заводов и одного спирто-водочного. Он же являлся и церковным старостой, что тоже приносило ему неплохие доходы.

При церкви состояли три священника: Алексей благочинный, отец Григорий и отец Дмитрий. На всех троих имелся один дьякон Александр Иванович Троицкий, личность весьма колоритная, красавец с густым басом, на горе и радость окружавших его молодых вдовушек и солдаток.

Село было большое, более трёх тысяч домов, двенадцать тысяч жителей, а вот землицы царь-батюшка Александр II при освобождении крестьян от помещика Арапова 19 февраля 1861 года им выделил самую малость. Досталось по полдесятины на семью вне зависимости от количества едоков: если посеять рожь или пшеницу, то от собранного урожая прокормишься только до середины декабря.

Оттого крестьяне и занялись огородничеством. Стали сажать картофель и знаменитый бессоновский горький-прегорький лук. Он назывался «русским золотистым» и экспортировался в заморские страны. Старики утверждали, что их лук поставлялся даже за границу.

Интересам лука было подчинено расположение и строительство домов. Вдоль улиц, по обе стороны в каждом квартале – по четыре одинаковых бревенчатых дома, потом небольшой проулок шириной метров двадцать, далее – снова четыре дома и опять проулок. Дома крылись, как правило, тёсом или соломой, изредка – жостью.

Необходимость проулков являлась мерой предосторожности на случай пожаров, которые в Бессоновке возникали очень часто и иногда приносили громадный ущерб. Я пом-

ню один пожар в 1915 или 1916 году. Возник он на западной окраине села во время сильного ветра. Полоса огня прошла через всё село и остановилась на берегу Суры, где гореть уже было нечему. Погибло около двухсот домов.

Строились дома однообразно. Деревянный фундамент со сторонами шесть-восемь метров, внутри него – подпол глубиной метра четыре – хранилище для овощей. Над погребом возвышалась сама изба – одна комната с высотой потолка метра четыре. На метр ниже потолка настилались из жердей полати для хранения лука зимой до марта – середины апреля.

Культура бессоновского лука трёхлетняя: первый год сажают на грядках луковое семечко – вырастает севок – мелкий, с орех, лук. Второй год сажают севок – вырастает товарный лук. Третий год сажают лук и пускают его в стрелки. Осенью их собирают и получают луковое семя.

Что же делали бессоновцы с луком? Какую выгоду они имели от него? С установлением в декабре санного пути грузили на сани тридцать – сорок пудов лука, запрягали лошадку и ехали в Саратовскую губернию по деревням и сёлам менять лук на рожь и пшеницу, как правило, мерой на меру. Таким образом обеспечивали себя хлебом до весны. Основной же лук, пудов по сто – двести, хранили до марта, когда в Бессоновку приезжали купцы-перекупщики, останавливались у богатых мужиков и скупали лук по довольно высоким ценам – около рубля за пуд. Продав лук, бессовец обеспе-

чивал себе заработок сто – двести рублей, на которые он и жил до следующей зимы, выращивая новый урожай.

В Бессоновке я и провёл свои детские и юношеские годы в семье крестьянина Егора Петровича Святова и его жены Александры Васильевны. Егор Петрович, рождения 1874 года, был человеком основательной культуры, несмотря на своё крестьянское происхождение, всегда уравновешенный и спокойный.

С 1896 по 1903 он служил в 4-ом лейб-гвардии артиллерийском конном дивизионе, стоявшем в Павловске. От этого времени долго оставался в семье, пока его не украли (увы!) у моей дочери в Париже, дорогой подарок: серебряный, в виде солдатского ранца, портсигар с позолотой, гравированный: «Старшему фейерверкеру Егору Петровичу Святову от вольноопределяющегося барона Мейендорфа».

Имея церковно-приходское образование, Егор Петрович дослужился до старшего фейерверкера, то есть старшего унтер-офицера, и был оставлен инструктором в учебной команде лейб-гвардейской бригады. Вращаясь среди петербуржцев, он отошёл от деревенского бескультурья, грубости, домостроевщины, пьянства и матерщины и впоследствии строго придерживался новых устоев.

Его супруга Александра Васильевна, родившаяся в том же 1874 году в один день с Егором Петровичем и вместе с ним в один день крестившаяся в той же церкви, была настоящей русской красавицей. Характера твёрдого, решительного, по-

рой казавшаяся суровой, она на самом деле была очень добродушной и общительной. После смерти Егора Петровича в 1928 году она, очень разумно продав всё своё бессоновское имущество, стала жить в моей семье.

Дети звали её Бабушкой Большой по контрасту с Бабушкой Маленькой, Дарьей Максимовной, матерью моей жены, тоже присоединившейся к нам после раскулачивания и смерти мужа Андрея Федоровича Колоскова¹ в сибирской ссыл-

¹ А. Ф. Колосков родился в 1884 г., был бессоновским крестьянином, двухлошадником, занимался извозом. Богатство его состояло из двух коз и огорода. В 1931 г. его «раскулачили» и отправили с женой и девятнадцатилетним сыном Петром в Нижнюю Переселенку Оборского р-на Дальне-Восточного края, где определили кочегаром на лесопилку. 17 января 1933 г. ПП ОГПУ по ДВК его арестовывает по обвинению в саботаже и антисоветской агитации среди рабочих, а 29 апреля 1933 г. Тройка при УНКВД по ДВК приговаривает его к расстрелу по ст 58-7-10-11 УК РСФСР, приведенному в исполнение в тот же день. Д.М. Колоскова самовольно, с большим для себя риском, покинула место ссылки, умудрилась выправить себе паспорт на свою девичью фамилию – Вашаева, с помощью сестры, служившей паспортисткой в Бессоновке, и приехала в Ленинград в семью дочери и зятя под видом домработницы. Только за два года до смерти, в 1995 г., мать моя, М. А. Святова, поведала мне очень кратко эту трагическую историю... Причем сам И. Г. Святов, несмотря на страшные обстоятельства того времени, без малейшего колебания принял свою тещу и до конца её жизни (она скончалась в 1957 г.) обеспечил ей убежище. Аведь он тогда был слушателем Военно-Морской академии, и, если бы факт проживания беглой вдовы «врага народа» открылся, судьба его могла бы, без сомнения, стать иной. Также надо заметить, что в документах уголовного дела № П-97176 на А. Ф. Колоскова нет упоминания о его дочери М. А. Святовой – отец намеренно скрыл факт её существования от следствия, а Д. М. Колоскова как спецпереселенка навсегда исчезла из поля зрения карающих органов. Судьба же сына Петра остаётся неизвестной. А.Ф. Колосков реабилитирован 16 января 1989 г. Документы дела А. Ф. Колоскова дошли до меня только в мае 2016 г. при содействии Л. С. Ереминой,

ке.

В семье Святых я был приёмным сыном. Моими родителями были Трякин Иван (отчества не знаю) и Трякина Анна Александровна. Родился я 1903 году в селе Печенарь Петровского уезда Саратовской губернии. В семью Святых я попал не совсем обычным образом. Дело в том, что после службы в лейб-гвардии Егор Петрович Святых в 1903–1909 годах жил в Пензе, работая на Московско-Казанской железной дороге старшим кондуктором поезда Пенза – Нижний-Новгород.

Детей у них с Александрой Васильевной не было и, кажется, не могло быть. И вот во время тяжёлой болезни Александры Васильевны дали они зарок усыновить какого-нибудь сироту. В одну из поездок в вагон третьего класса поезда, возвращавшегося из Нижнего Новгорода, на станции Лунино, в сорока километрах от Пензы, села бедно одетая женщина с трёхлетним кудрявым и красивым мальчиком, очень говорливым и шустрым.

Егор Петрович разговорился с женщиной. Познакомились. Она назвалась Анной Александровной. Оказалось, что она обременена большой семьёй и живёт в крайней бедности. Егор Петрович высказал Анне Александровне предложение усыновить мальчугана, то есть меня, и пригласил её к Александре Васильевне прийти со мной.

Дело состоялось. Я понравился Александре Васильевне, и

она дала своё согласие. Так я и стал Святовым Иваном Ееоргиевичем.

В 1909 году после забастовки на Московско-Казанской железной дороге Егора Петровича уволили. Мне было уже шесть лет, и я помню, какое это было горе. Помню, как зимой отец поступил на работу приказчиком в пивную лавку, принадлежавшую известным нефтепромышленникам Нобелям, владевшим также пивными заводами в Самаре и Пензе.

В Бессоновке я провел детство и отрочество. Учился в двухклассном министерском училище легко и с интересом. Характер же у меня оказался резким, в обиду себя не давал и, если вдруг кто-то из учеников дразнил меня подзаборником или подкидышем (все знали, что я приёмный сын), в ход пускал кулаки, и довольно часто. Потасовки не всегда кончались в мою пользу, но всё же, сильный и бесстрашный, в большинстве случаев я оказывался победителем.

Очень рано я пристрастился к рыбалке. Страсть эта осталась у меня на всю жизнь. В Суре я ловил подустов и окуней, в Шелдаисе, левом притоке Мокши, – пескарей и ельцов.

Во время Первой мировой войны со мной, одиннадцатилетним мальчиком, озорником и непоседой, моя мать, Александра Васильевна, дважды ездила на австро-германский фронт к мужу, служившему в то время старшим каптенармусом 407-го пехотного Пензенского полка. Первый раз мы ездили в Бессарабию, под Хотин, второй – в Белоруссию, под Клевань и Ровно.

О порядочности Егора Петровича может свидетельствовать такой случай: Егор Петрович ехал на позицию с продовольственной повозкой и в лесу нашёл портфель полкового казначея с денежным содержанием всей дружины. Ему бы ничего не стоило утаить находку, но Егор Петрович установил по документам личность потерявшего портфель, явился с ним к командиру дружины, и тот премировал Егора Петровича тремя рублями за честность и бескорыстность.

Хочется рассказать о моих детских впечатлениях, которые остались от одного пешего перехода 407-го пехотного Пензенского полка при перемещении его от станции Мамалыга, где он находился на отдыхе, в район Ставчаны.

Вдоль пыльного шоссе по обе стороны были разбиты фруктовые сады с белыми хатами-мазанками. Колонна полка по четыре бойца в ряду, с винтовками и походными кухнями, шла неторопливо, с песнями: «Дуня, Дуня я, Дуня – ягодка моя», «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поёт».

Сбоку я, в пиджачке и шляпе, стараясь идти в ногу и соблюдая равнение, как можно шире шагаю. Местные мальчишки, привлечённые песнями, высыпали на обочину и, указывая на меня пальцами, кричали: «Москаль, москаль, ходь до нас»! Я подходил, и в мою шляпу сыпались сливы, груши и яблоки. Я раздавал их по рядам. Забегал я и в хаты и видел там старух с трубками во рту у подвешенных зыбок, в которых порой сидели четырёх – пятилетние ребята, тоже с

дымящимися трубками. Мне и там сыпались в шляпу дары садов.

А вот во второй поездке на фронт в район Ровно со мной приключилось неожиданное происшествие. Добравшись поездом до Ровно, мать со мной пошла на базар, где она отыскала несколько воинских повозок, ехавших в Клевань – местечко, где располагался 407-ой пехотный Пензенский полк. Она села в одну повозку, а меня посадила на другую. Дело было в конце дня, а затем наступила и ночь. Повозка, на которой сидела мать, свернула на станцию Клевань, где в обозе 2-го разряда находился отец, а повозка, на которой ехал я, прошла прямо на передовую позицию километрах в трёх от станции.

В разговоре с солдатами установили, что я попал не туда, куда надо. Мне растолковали, что обоз второго разряда – в трёх верстах по просёлочной дороге через лес, у станции Клевань. Не скажу, что идти через лес ночью меня очень устраивало, не скажу, что и не боялся я, но что делать – надо идти, другого выхода не было.

И вот я не пошёл, а побежал! Через час на станции увидел жандарма и со слезами стал объяснять ему, что со мной приключилось. И в это время на станцию приходят отец и заплаканная, ревущая мать. Вот то небольшое, что сохранилось в моей памяти об этих двух поездках к отцу на фронт.

Дома, в Бессоновке, всё как будто шло своим чередом. Но вдруг случилось то, что должно было случиться: за озор-

ство и непочтение к священнику, отцу Григорию Миловскому, после драки с его двумя сыновьями, учениками Пензенской гимназии, весной 1916 года меня исключили из 5-го отделения школы.

Отец Григорий, персонаж исключительно влиятельный в министерском заведении, настоял на крайней санкции, аргументируя, что помимо нестерпимого характера у меня ещё и хронический «кол» по закону Божьему. Действительно, всё, что касалось религии, казалось мне, тринадцатилетнему мальчишке, абсурдным и неубедительным. Как объяснить подобное неприятие религии в сознании ребёнка, воспитывающегося в семействе отнюдь не атеистическом, до сих пор для меня *enigma*. Исключение же из школы я воспринял как поповскую месть за побитых сыновей, и это навсегда определило моё отношение к Богу.

Избавление пришло с советской властью: после отделения церкви от государства Петя Богданов, Миша Сёмин и я отказались посещать уроки закона Божьего. Демонстративно, когда священник входил в класс, мы все втроем дружно вставали из-за парт и выходили из класса. Отец Григорий, конечно, бесновался, нас нещадно бранил, читал ученикам проповеди и нравоучения, заклинал не брать пример с негодных безбожников, а мы, с папиросками в зубах, играли перед окнами школы в лапту.

Этот акт антирелигиозного бунтарства принёс нам репутацию хулиганов и безотцовщины. Мать пыталась приме-

нить ко мне меры физического воздействия, с которыми я сравнительно легко справился, пользуясь своим превосходством в скорости и манёвренности. Я попросту исчезал из дома, чтобы не попасть под её горячую руку. Отец был на фронте, Александра Васильевна одна со мной справиться, по существу, не могла, и в течение двух лет некому было меня приструнить. Летом всё свободное время я проводил на Суре, начал курить и, главное, сам себе был господином.

В 1918 году, после революции в Бессоновке открылась школа 2-й ступени, и я поступил в неё в пятый класс. К великому моему огорчению, отец Григорий снова оказался у дел и снова преподавал нам закон Божий. Неизменной оценкой моих знаний оставался «кол», хотя, чтобы доставить удовольствие матери, женщине верующей, я и пытался кое-что познать. Безрезультатно! Даже в самом простом изложении догмы двойственной природы Христа, Троицы или Искупительной Жертвы не укладывались в моём мальчишеском, но, наверное, излишне рациональном мозгу. И мать смирилась!

В 1918 году в Бессоновку приезжали председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин и секретарь ВЦИК Авель Софронович Енукидзе. В связи с их приездом на площади возле церкви состоялся митинг – большое событие в селе, на который пришло почти всё взрослое население.

Прибежали и мы, школьники. С речью выступил Калинин. О чем он говорил, я не помню, а, может быть, не понял сути, но помню, что бессоновцы членов правительства при-

няли радушно, задавали много вопросов, слушали внимательно ответы, старались понять новую жизнь, новую власть.

В начале марта 1920 года нашу школу посетили пензенские агитаторы только что возникшей там ячейки коммунистического союза молодежи Милецкий, Полторацкий и Самарина. Они рассказали нам о комсомоле и его задачах, познакомили с программой и уставом, и предложили создать в селе свою ячейку.

Первыми изъявили желание вступить в комсомол Николай Владимирович Померанцев, Михаил Григорьевич Борисов и я. Это и был актив, который повёл работу в школе по привлечению молодёжи в ряды РКСМ. В 1920 году нам удалось создать ячейку численностью около 20 человек. И это в селе с населением в тринадцать тысяч обитателей! Результаты работы оказались невелики, и нам особенно гордиться было нечем. Но начало было положено.

Занимались мы большей частью культурно-просветительной работой: ставили в школе спектакли, организовывали концерты, привлекали для участия в них местную интеллигенцию – учителей, служащих заводов Петрушкова, почтовых работников.

К сценическому искусству впервые нас привлекли ещё в начальной школе, когда учителя ставили пьесу Островского «На пороге к делу». В первом действии мы, пять-шесть учеников, выбегали на сцену и дразнили школьного сторожа «инвалидная крыса, инвалидная крыса». Сторож замахивался

вался на нас метлой, и мы исчезали.

В дальнейшем в школе II ступени сами ставили спектакли того же Островского: «На бойком месте», «Бедность не порок», «Не всё коту масленица» и другие.

Рядом с барским домом-школой стояло каменное строение, довольно большое, в котором когда-то размещалась барская дворня. В этом помещении одновременно со школой II ступени открылось ремесленное училище, в котором обучали столярному мастерству. Заведующим и единственным преподавателем был Николай Павлович Забелин, большой души человек. Он в вечернее время предложил нам, школьникам, посещать ремесленную мастерскую и обучаться столярному делу. Нас ходило человек десять-двенадцать: пилили, строгали, точили на токарных станках. Мне очень нравилась эта столярная практика. Я научился делать самостоятельно табуретки, тумбочки и столы. И сейчас я на «ты» со столярными инструментами, и у себя на даче делаю с удовольствием, если нужно, то стол, то шкафчик, то полочку по убедительной просьбе супруги.

Уходили комсомольцы на Гражданскую войну

В мае 1920 года мы, три комсомольца Коля Померанцев, Коля Колосков и я, вступили добровольцами в ЧОНовский (Части особого назначения) отряд № 1834 при Пензенском губернском военкомате, предназначенный для борьбы с дезертирами и контрреволюцией. Этот отряд действовал в Нижне-Ломовском и Керенском уездах Пензенской губернии. Нам приходилось вылавливать в лесах дезертиров, отбирать у населения оружие и собирать продрозвёрстку. Пришлось участвовать и в боевых действиях при разгроме банды Филиппа Козьмича Миронова – мятежного командарма 2-й Конной армии, восставшего против большевистской власти из-за идейных несогласий и, между прочим, насильственной продрозвёрстки. В январе 1921 года отряд был расформирован, и нас, мальчишек, отпустили по домам.

В феврале 1921 года меня, Померанцева и Колоскова приняли кандидатами в члены РКП (б), а через неделю или две председатель партячейки Бородин-Посадсков предложил нам в порядке партмобилизации поступить в войска ВЧК. «Будете носить кожаную куртку, красные галифе и наган сбоку», – говорил он нам. Против такого соблазна трудно устоять в семнадцать лет – и мы не устояли! Получили

направление сначала в Уездный комитет, затем в Губком и наконец в ЦК РКП(б) в Москву.

И вот мы, трое деревенских парней, в Москве. С котомками за плечами расспрашиваем прохожих, милиционеров, где находится ЦК партии. Прохожие пожимают плечами, милиционеры смотрят в какие-то справочники, но ответить, где помещается ЦК, не могут. Кому-то из нас пришла в голову мысль посмотреть комсомольский билет. На обороте был указан адрес типографии, где печатался билет. Пришли по этому адресу, и нам удалось наконец узнать, где находится главная российская власть.

На пару дней, пока решалась наша судьба, нас поместили в каком-то фешенебельном особняке с зеркальными стёклами, расписными потолками, позолоченной мебелью, никелированными мягкими кроватями, застланными ослепительно-белыми простынями и цветными шерстяными одеялами. Долго мы не решались расположиться на этих кроватях, пока кто-то из бывалых обитателей этих мест не вразумил нас и не наставил на путь истинный.

Через два дня нас направили в распоряжение ЦК КП(б) Украины в Харьков. Перед отъездом мы получили сказочно богатые, по нашим понятиям, пайки, командировочные деньги и проездные документы. В шикарном «Метрополе» по проездным документам мы обзавелись железнодорожными билетами и отправились на Курский вокзал.

К нашему удивлению, билеты оказались в вагон первого

класса, а поезд Москва – Харьков весь состоял из классных вагонов и с электрическим освещением. Благожелательного «бывалого» товарища в вагоне первого класса не оказалось, а проводнику наша деревенская внешность не внушила достаточного уважения – он нас не пригласил в купе, сами мы там устроиться не посмели и попросту расположились в тамбуре вагона.

Через два дня рано утром мы оказались на Харьковском вокзале, переполненном разношёрстной толпой. Усталые и лишённые сна в тамбуре, мы пристроились к вокзальной стене и вздремнули. Часов в восемь мы с Колосковым пошли умываться, а Коля Померанцев остался сторожить наши вещи.

Когда мы вернулись, у Коли был страшно удручённый вид: он сидел на полу и держал между ног два наших вещевых мешка со скудными запасами продуктов, прихваченными нами в Бессоновке. То ли он вздремнул, то ли загляделся, но мешок с полученными в Москве продуктами бесследно исчез, как и собственный Колин мешок.

Обругав товарища растяпой в довольно крепких выражениях и тем самым его успокоив, мы кое-чем позавтракали и отправились на поиски украинского ЦК. Там нас долго не задержали и дали направление в Винницу в политотдел 12-й дивизии имени Петросовета войск ВЧК Украины.

Добирались мы до Винницы уже не так комфортабельно, как от Москвы до Харькова. Ехали на подножках и на кры-

шах товарных и воинских поездов. На длительных остановках варили на кострах оставшуюся пшённую кашу без соли, но не унывали.

В Киеве повисли на подножке классного вагона, двери которого не открывались. Висело нас человек десять. Кто-то сундучком разбил стекло двери, и нас всех, висящих на подножке, сняли с поезда в Дарнице и отправили в комендатуру для выяснения виновного. Пока выясняли, поезд ушёл. Устроились мы часов через пять на крыше вагона товарного поезда. Но оказалось, что происшествие на станции Дарница было для нас счастливым. Как потом мы узнали, поезд, с которого нас сняли, где-то под Фастовом атаковала банда махновцев. Всех коммунистов и евреев перестреляли, а пассажиров поголовно ограбили.

В Виннице, прежде чем явиться по месту назначения в политотдел 12-й дивизии, мы выкупались в Южном Буге и предстали перед начальством чистенькими и свежими. Начальник политотдела Владыкин решил, видимо, что мы особой ценности как политработники не представляем, и приказал назначить нас политруками взводов в разные бригады. Со слезами на глазах мы упросили его нас не разъединять и отправить служить в одну бригаду.

Владыкин пожалел мальчишек, и мы попали в политотдел 51-й бригады, дислоцировавшейся в Коростене – городе областного подчинения меньше чем в ста километрах от Житомира. А там, опять со слезами на глазах, выпросили назна-

чение в политсекретариат 197-го отдельного пограничного батальона той же 51-й бригады.

На этом пришёл конец нашему везению. Батальон стоял в местечке Олевск. Командир его, Завистовский, человек немолодой и без признаков сентиментальности, невзирая ни на какие наши просьбы и увещевания отправил нас в разные роты. Мы оказались разлучёнными и одинокими, километрах в сорока друг от друга, на самом западном краю России, на польской границе.

Пограничная служба вообще трудна и беспокойна, а в 1921 году это был настоящий фронт. Банды Петлюры, Тютюника и прочих атаманов осели в «гостеприимной» Польше и оттуда небольшими группами постоянно переходили границу, терроризировали местное население, грабили и убивали, особенно советскую администрацию, производили диверсии и занимались шпионажем.

Редкая ночь проходила без стычек и перестрелок. Дважды банды Тютюника переходили границу в августе 1921 года. Трое суток батальон вёл с ними ожесточённое сражение в районе деревни Радовель, пока не подоспела дивизия Г. Д. Гая и не разгромила бандитское формирование.

В сентябре 1921 года в районе местечка Воетковичи, километрах в сорока от Олевска, в одном из взводов был убит политрук. Завитковский приказал мне верхом отправиться в Воетковичи и заменить его. Мне дали какую-то лошадь, а седла не оказалось. Я заменил его подушкой, из ремней сде-

лал стремена и уже под вечер отправился к месту назначения.

Сначала ехал то рысью, то шагом, затем наступила ночь, небо было ясное, и полная луна ярко освещала дорогу. Ехать пришлось лесом и кустарником. Подушка то и дело выскальзывала из-под ремней, и мне приходилось беспрестанно останавливаться и поправлять импровизированное седло. Деревья и кусты бросали на дорогу длинные тени. Порой где-то в кустах мелькали зелёными огоньками глаза лесных зверьков.

В конце пути с приближением к границе мне стали чудиться за каждым кустом возможные засады бандитов. Стало страшно, и я пустился вскачь. Приехал на заставу, стёр себе всё заднее место о хребет лошади, слезть не могу. Плохой из меня получился кавалерист и вояка. Да ещё и здорово струсил.

Пробыл я на заставе месяца полтора. Работа моя с бойцами заключалась в проведении политинформаций, чтении газет и обучении неграмотных бойцов грамоте. В декабре 1921 года вышел приказ Реввоенсовета республики о демобилизации всех коммунистов, не достигших девятнадцатилетнего возраста. Это был мой случай, и в январе 1922 года я снова оказался в Бессоновке.

Мой кандидатский стаж – девять месяцев – истёк, и 30 января 1922 года я был принят Бессоновским райкомом в члены РКП (б). В начале февраля я поступил в пензенскую

губсовпартшколу, но учиться мне в ней долго не пришлось.
Жизнь моя пошла по другому пути.

Едем восстанавливать флот

В конце февраля 1922 года пензенский губком РКСМ отправил первых своих посланцев на восстановление Балтийского флота. Среди этих первых оказался и я. Нас было двадцать пять-тридцать человек, из которых я помню Александра Куприяновича Алексева, Георгия Александровича Чубунова – впоследствии капитанов 1 ранга, Николая Павловича Гонцова из Саранска и Тихона Васильевича Осипова. Ребята были активные, горячие и горластые. Жизнь в нас была ключом.

Помню, на больших узловых станциях, таких как Рузаевка или Сасово, переполненных самой разнообразной публикой, мы, ехавшие восстанавливать флот, импровизировали митинги на темы дня, благо, поезда бесконечно долго ждали отправления, и желающих высказаться было множество. Нас слушали, аплодировали, мы ощущали искреннюю поддержку в нашем стремлении посвятить себя флоту.

1 марта, прибыв ранним утром в Петроград, мы вышли с Николаевского вокзала и с большим удивлением оказались перед памятником Александру III. Памятник показался нам чудовищным. Тогда мы, провинциальные юнцы, чуждые искусству, не способны были понять весь символический подтекст уникального произведения «русского итальянца» Паоло Трубецкого, тем более что гаденькие стишки Демьяна

Бедного: «Мой сын и мой отец при жизни казнены, А я пожал удел посмертного бесславья. Стою здесь пугалом чугунным для страны, Навеки сбросившей ярмо самодержавья», — были высечены на гранитном постаменте памятника.

С сундучками и самодельными чемоданами, кое-кто с рюкзаками, промаршировали мы по деревянной мостовой Невского проспекта, по Большой Морской, через Поцелуев мост, по Офицерской улице и Лермонтовскому проспекту на Балтийский вокзал, откуда поездом доехали до Ораниенбаума и по ещё крепкому льду Финского залива пешим порядком пришли в Кронштадт. Немалый путь! При подходе к Кронштадту лес мачт и труб кораблей поразил нас. Но только из редких труб струился дымок, многие же корабли стояли без признаков жизни.

Нас привели в казармы Первого Балтийского флотского экипажа, в роту молодых моряков. После тщательной санобработки нас остригли и одели в рабочее серое парусиновое обмундирование, дали бескозырки, но без ленточек, и мы чем-то стали похожи на арестантов.

Недели через две нас, новобранцев, которых собралось тысячи две, распределили по батальонам и ротам. Я попал в первую роту молодых моряков. Командиром был военмор Высоцкий, с орденом Красного Знамени на синем флотском кителе.

Бывалый моряк, отличный воспитатель, он сразу завоевал наши симпатии. Долгие вечера Высоцкий просиживал с на-

ми в ротном помещении, рассказывая о боевых делах и кораблях Балтийского флота во время Первой мировой войны, потом – Гражданской. Он первый привил нам любовь к морю и кораблям, посвятил нас в славные морские традиции, воспитал в нас понятие о морской дружбе, о беззаветной преданности российскому флоту, о высоком долге военного моряка.

Командиром Первого Балтийского флотского экипажа был не менее замечательный человек – Василий Васильевич Бурковский, строгий, требовательный и справедливый. Он был из царских офицеров, но на груди его красовались два ордена Красного Знамени². Мы на него смотрели с благоговением.

Первым этапом нашего флотского воспитания было строевое обучение. По восемь часов ежедневно мы предавались на Якорной площади Кронштадта строевым упражнениям и так называемой сокольской гимнастике с винтовками или без оных, столь популярной в военных школах ещё с конца XIX века. Виртуозное владение оружием во всей сложности гимнастических комбинаций ценилось высоко, но доставалось превеликими физическими усилиями. Ну что ж, красота требует жертв, а эстетическая сторона отработанных, свободных и красивых движений оказалась неоспоримой.

А что касается «харча», то нужно прямо сказать: в то вре-

² Неточность автора. В. В. Бурковский был награжден одним орденом Красного Знамени. – *Ред.*

мя на флоте был он не флотским. Нас кормили, главным образом, селедочным супом, в котором, как тогда говорили, «крупинка за крупинкой гоняются с дубинкой». За столом мы все были распределены по шести на бачок: индивидуальных мисок и тарелок тогда не было.

Да и флотская традиция к тому же: испокон веков на русском флоте матросы ели из бачка. Поэтому каждый старался вооружиться большой деревянной ложкой: во первых, не обжигаетесь, во вторых, у неё большая «протральная» полоса и реальная вероятность улова гущи. С такого харча у нас, понятно, большой прыти не было, а физическая нагрузка была основательной.

Постепенно мы привыкали к нашей новой жизни, но чувство воинской дисциплины мы ещё не познали – всё держалось на энтузиазме молодости.

В апреле нам сделали противохолерную прививку. Многие из нас перенесли её тяжело: общее недомогание, температура. Следующим утром больные после побудки остались в постелях. Кто-то пустил слух, что после прививки полагаются три дня освобождения от работ и занятий.

И вот раздаётся команда построиться на строевое учение. Половина построилась, половина продолжала валяться в койках. Командир роты Высоцкий бросил необдуманную фразу: «Или все стройтесь, или все ложитесь!»

Конечно, все предпочли последнее. Пришедший командир батальона Почтовалов, из бывших фельдфебелей-слу-

жак, в грубой форме, при всех начал распекать Высоцкого, а затем потребовал от нас немедленного построения. Мы отказались.

Коллективное неисполнение приказа! Доложили начальству, а у начальства от страха глаза велики: слишком свежа была память о кронштадтском мятеже 1921 года. Высоцкого арестовали. Мы потребовали встречи с командиром экипажа и предъявили ему требование освободить командира роты. Начали митинговать. Одним словом, форменный бунт.

Казармы экипажа оцепили матросами минной и артиллерийской школ и все выходы в город закрыли. Два дня продолжались у нас митинги, и наконец без оружия нас построили во дворе. Вызвали из строя наиболее активных ораторов – тринадцать человек – и как зачинщиков бунта арестовали. Состоялся суд. Почти всех арестованных признали виновными, в том числе и Высоцкого, и довольно сурово наказали. Командира роты отстранили от должности.

Не знаю, правильно ли действовало высокое начальство... Формально всё соответствовало воинскому уставу и законам, а по существу такое решение глупого конфликта подливало масла в огонь. При умном и умелом подходе к совсем молодым матросам всё решилось бы без всяких отрицательных последствий, требования начальства были бы выполнены, и дело закончилось бы просто наложением дисциплинарных взысканий.

1 мая 1922 года на Якорной площади мы приняли присягу. На наших бескозырках заблестали ленточки с золотыми буквами «Балтийский флот». Мы стали полноправными матросами.

После принятия присяги нас расписали по разным школам для обучения специальностям, необходимым для службы на кораблях. К моему великому огорчению, я попал в школу судовых содержателей (хозяйственников) и писарей. Ну, какой моряк писарь или шкиперский содержатель!? Писарем можно быть и не на флоте, да и зачем учиться на писаря? Имей красивый почерк да знай, где ставить точки и запятые. Но приказ есть приказ, а после апрельских событий мы это твёрдо усвоили.

Так волею судьбы я очутился в Петрограде, в новоморских казармах, бывших гардемаринских классах, на Васильевском острове, на Большом проспекте в доме № 92.

Пребывание в школе судовых содержателей было ничем не примечательно, и воспоминаний оно не оставило. Исключением из этой скучной жизни оказалась стажировка на действующих кораблях флота.

Осенью 1922 года проводились первые флотские манёвры. На них проверяли результаты восстановления флота. В манёврах участвовало ограниченное число кораблей: линкор «Марат» – бывший «Петропавловск» и пять-шесть эскадренных миноносцев.

Мне довелось стажироваться на этом линкоре, который

произвёл на меня ошеломляющее впечатление: громадина, водоизмещением 23.000 тонн, с мощностью машин в 42.000 л. с., со скоростью хода 22–23 уз (для непосвящённых – 40–42 км/ч), достигала 183 метров длины и 30 метров – ширины.

Да ещё и с восьмиметровой осадкой! В средней части Балтийского моря мы попали в шторм. Сила ветра доходила до девяти баллов, и, несмотря на свои размеры, линкор изрядно покачивался. Многие молодые матросы укачивались, ужасно страдали, потеряли аппетит и работоспособность. А на меня качка не оказала ни малейшего действия, чем я очень гордился и твёрдо уверовал, что из меня получится неплохой моряк.

Военно-морское подготовительное училище

По возвращении в школу я узнал, что организовано Военно-морское подготовительное училище для подготовки молодёжи, в большинстве своём не имеющей среднего образования, к поступлению в Военно-морские училища – командное и инженерное.

Открытое в 1922 году, училище размещалось в гвардейских флотских казармах в Петрограде, на Екатерингофском, ныне Римского-Корсакова, проспекте, в доме № 22. Набор курсантов производился из рабочей и крестьянской молодёжи в возрасте от семнадцати до двадцати одного года, а также из краснофлотцев, служивших на кораблях и пожелавших связать свою жизнь с морской службой.

В этом году были укомплектованы два курса – в зависимости от уровня образования курсантов. Я подал просьбу в должной форме о направлении меня в это училище. Просьбу мою удовлетворили, и я, кое-как сдав экзамены, был принят на второй курс. Так судьба меня «отвела» от унылой школы судовых содержателей и писарей.

Два года пребывания в ВМПУ составляют целую эпоху в моей жизни. Преподавательский состав оказался уникальным. Достаточно сказать, что литературу и русский язык

преподавал профессор Петроградского университета Сиповский, тончайший знаток русской словесности, сам к тому же известный беллетрист, математику – профессор Рыбалтовский, космографию и астрономию – профессор Кондратьев. И остальные профессора были им под стать.

Начальником нашего курса, то есть строевым начальником и воспитателем, был Николай Александрович Луковников, из прапорщиков военного времени царской армии. Строг он был до беспредельности, но так же и справедлив. Никогда не употреблял он своей власти, не разобравшись в существе дела до последних мелочей.

Его решения и действия всегда принимались в интересах дела и подчинённых. С первых же дней нашей совместной службы мы дали ему почётное прозвище Батя. И оно сохранилось за ним на протяжении всей его службы в высших военно-морских учебных заведениях. Для характеристики Николая Александровича приведу один занятный эпизод.

Однажды Евгений Почиковский, рубаха-парень и заводила, будучи в наряде, ушёл в самовольную отлучку, заключив джентельменское соглашение с курсантом Умовским в том, что Умовский его подменит в наряде на время его отсутствия. Такие случаи у нас бывали и не считались зазорными, покрываясь круговой порукой.

Прошу учесть: ведь это был только 1923 год, и понятие о военной дисциплине только лишь устанавливалось. К тому же и беспечность молодости: всё возможно, всё могу! В са-

моволку он ушёл в Гатчину, где у него жили родители. На следующее утро, возвращаясь в училище, он припоздал и примерно в полвосьмого сел в трамвай № 6, шедший от Балтийского вокзала через Садовую улицу и Екатирингофский проспект, мимо Николы Морского к училищу. И – о, ужас! На первой остановке в трамвай входит Луковников!

Женя, не думая, по первой реакции, расталкивая публику, устремился к передней площадке. На оклик Луковникова: «Почиковский» – не оглянулся и, как только трамвай остановился, спрыгнул и перебежал на впереди стоявший трамвай № 22, шедший по тому же маршруту.

Выиграв, таким образом, пару минут, он ворвался в ротное помещение, сорвал с дневального Умовского повязку «рцы» – нарукавный знак дневального – и встал у входа. Минут через пять входит в ротное помещение Луковников. Почиковский зычным басом командует и рапортует: «Смирно! Товарищ начальник, за время моего дневальства никаких происшествий не случилось. Дневальный Почиковский!»

Луковников выслушал рапорт и говорит: «Почиковский, сдайте дневальство подвахтенному, а сами явитесь ко мне».

Через две минуты Почиковский предстал в кабинете перед грозными очами Луковникова. И тут происходит следующий диалог: «Почиковский, Вы были в самовольной отлучке!»

- Никак нет, товарищ начальник, я был в наряде!
- Что Вы мне лжёте! Я Вас видел в трамвае!

– Никак нет, товарищ начальник, Вы не могли меня видеть, я дневалил с 4 до 8!

– Да я же Вас своими глазами видел!

– Никак нет, товарищ начальник!

Этот диалог длился минут десять. Почиковский неизменно отвечал: «Никак нет!» Луковников, видимо, усомнился в своей правоте, посчитал, что обознался, и сказал:

– Слушайте, Почиковский, скажите правду, вам ничего не будет: Вы были в трамвае № 6 или нет?

– Так точно, товарищ начальник, я был в трамвае.

– Пошёл вон, шалопай! – было заключением.

Но сдержал своё слово и дело оставил без последствий. Случай этот стал известен всем курсантам и ещё более укрепил наше почтение и, я бы сказал, любовь к Николаю Александровичу.

После нашего выпуска из ВМПУ он сделал ещё не менее двадцати выпусков из Военно-морского училища. И неизменно пользовался огромным уважением и любовью курсантов – будущих офицеров флота.

В подготовительном училище жили мы дружной семьёй, самодеятельность была ключом. Оказались среди нас и поэты, и гипнотизёры, артисты и спортсмены. Были серьёзные юноши, увлечённые наукой, были и клёшники-танцоры, но большинство из нас превратились в отличных моряков, командиров кораблей, соединений, в адмиралов, командующих эскадрами и даже флотами.

В 1923 и 1924 годах «подготовиловцы» и курсанты Военно-морского училища совершили на кораблях «Комсомолец» и «Аврора» два заграничных плавания, побывали в Швеции и Норвегии, совершая переход Кронштадт – Берген – Мурманск – Архангельск – Тронхейм и обратно.

Первый поход возглавлял начальник ВМУ Николай Александрович Болотов, второй, длившийся 47 суток, – начальник военно-морских учебных заведений Владимир Митрофанович Орлов. В этих заграничных походах мы основательно «оморячились», попадая в штормы Норвежского и Баренцева морей, получили хорошую штурманскую практику и прошли стажировку по всем специальностям.

Конечно, как полагается, был в подготовительном училище и комиссар – Павел Петрович Коваль, чистой души человек, коммунист-идеалист, преданный своему делу Молодой, красивый, человек высокой культуры, он был душой коллектива. Он умел так подойти к нам, что каждое его предложение, каждое мероприятие, которое он проводил, находило среди нас живой отклик и одобрение. Он воспитывал нас в духе преданности родине, принципиальности и честности перед воинским долгом. И мы сохранили о нём самые добрые воспоминания.

В июле 1923 я побывал в отпуске в Бессоновке и женился там на своей односельчанке Колосковой Марии Андреевне. Это была первая гражданская свадьба в Бессоновке. Лихо прокатали мы в коляске мимо церкви прямо в волисполком,

в загс. Старушки пророчили: из этой свадьбы прока не выйдет, и жить они, мол, вместе не будут. Пророчество местных пифий не сбылось: несмотря на все жизненные невзгоды и жестокие годы войны, мы были счастливы, до сих пор вместе и друг на друга не наглядимся.

Военно-морское училище

По окончании подготовительного училища осенью 1924 года нас расписали между тремя военно-морскими заведениями: Военно-морским училищем (командным), Военно-морским инженерным училищем и Военно-морским гидрографическим. Я очень хотел попасть в инженерное, но мне – увы! – выдалось командное.

С 1926 года оно стало именоваться Военно-морским училищем им. М. В. Фрунзе. А совсем недавно, до Октябрьской революции, это был Морской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича корпус.

История его начинается в самом начале XVIII века, в 1701 году. И возникает по воле Петра Великого питомник русской морской славы из Навигацкой школы в Москве, которую возглавлял знаменитый генерал-фельдмаршал Яков Брюс, герой Полтавы. Но уже в 1715 году создаётся Морская академия в Санкт-Петербурге.

После двух веков совершенствований, преобразований и многочисленной смены названий славная морская школа превращается в 1922 году в Военно-морское училище. Из заведения, традиционно предназначенного детям привилегированного дворянского сословия, оно становится открытым молодёжи, вышедшей из самых глубоких народных слоёв, – такова диалектика революции.

И какой же гордостью исполнилось моё сердце, когда я, деревенский парень, даже не мечтавший в пензенской глуши увидеть наяву хотя бы на минуту морской простор, оказался волею судеб в стенах, выдавших элиту русского флота: и боевых адмиралов, и героических штурманов, и землепроходцев, и учёных-гидрографов, и инженеров.

Г. А. Спиридов, Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин, П. С. Нахимов, И. Ф. Крузенштерн, Ф. Ф. Беллинсгаузен, В. И. Даль, А. Ф. Можайский, Ю. М. Шокальский и мои товарищи и начальники в годы страшной Великой Отечественной войны Н. Г. Кузнецов, В. Ф. Трибуц, В. П. Дрозд, Л. А. Владимирский – вот слава и гордость русской морской школы.

За три года пребывания в училище, с 1924 по 1927 годы, много произошло разных событий, и радостных, отрадных, ведь страна развивалась, была на подъёме, и страшноватых, связанных с усилением политического давления. А мы были молоды, ещё наивны, полны радости новой жизни. Много было замечательных встреч, главным образом, с людьми большого интеллектуального потенциала и высокой морали, преданных своему делу.

Первым начальником и комиссаром училища (во время моей учёбы) был Николай Александрович Болотов, обаятельный человек, интеллигент в полном смысле этого слова. Отличный воспитатель, он происходил из старых морских офицеров. С первых лет революции мичман Болотов перешёл на сторону народа и в 1918 году вступил в партию

большевиков. Всю жизнь он служил стране и флоту. Мы его по-настоящему любили. Он был настолько доброжелателен к курсантам, что, бывало, при встрече с ним в длинных коридорах мы редко могли приветствовать его первыми.

Вторым начальником был Юрий Фёдорович Ралль, графского достоинства, из потомственного дворянского рода фон Раллей, известного с екатерининской эпохи, по словам Всеволода – его сына.

С морем Юрий Фёдорович был связан генетически: его прабабушка по материнской линии была племянницей Фёдора Фёдоровича Ушакова. Знаменательно, что за огромную роль, которую сыграл Юрий Фёдорович в Великой Отечественной войне, он был награждён орденом Ушакова 2-й степени за номером 1. Славный был Адмирал – с большой буквы, гордость российского флота! Он – один из немногих адмиралов, плававших на всех флотах России и принимавших активное участие в боевых действиях непосредственно на море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.